

Слова высокого свеченья

Творчеству Михаила Луконина был посвящен очередной выпуск телевизионного альманаха «Поэзия». Сами же собратья по перу и судьбе называли поэта правофланговым славного поколения, которое редет, к нашей горечи, на глазах. Вот и в этой передаче первое слово о лучшем друге-поэте произнес недавно ушедший от нас Сергей Наровчатов. Вместе с Лукониным они прошли дорогами отступлений, через окружение, чтобы встретить Победу. Недаром Михаил Дудин, прочитав стихи, посвященные памяти Луконина, убежденно сказал: «Его поэзия — это само время сам воздух и ветер времени».

Звучит голос поэта, взволнованный, с легкой глуховатой картавинкой. Возникает образ крупного и уверенного человека, который, по собственному признанию, всегда читал, как в тумане — настолько волновался.

Вот-вот передохну,

почти живу,

Теснят слова

высокого свеченья.

От подобных слов тесно в груди и зрителям в зале, и зрителям у экрана. И, конечно же, тем поэтам, кто помогал рассказами дорисовать на экране облик Луконина — писателя и гражданина. Константин Ваншенкин, Евгений Винокуров говорили о нем как о солдате и футболисте, редакторе и наставнике молодых. Но, ясно, прежде всего — как о поэте. «Многие строки этого человека, полного жизни, стали крылатыми, — сказала Римма Казакова, — потому что биография и философия его — это биография и философия народа».

И вновь звучат строки одного из самых сильных стихотворений поэта:

Безумная затея нами движет,
чтоб каждую строку
прожить собой
и самому еще при этом

выжить...

Да, неимоверно трудная задача. Но в русской поэзии и в памяти людской выживали, оставались навсегда только те, кто мог прожить собой каждую строку. К таким поэтам принадлежит Луконин.

Александр БОБРОВ